

Подождите, кажется, я ранее сказал, что Хэ Сюйлян станет Великим генералом — опорой государства и будет управлять Военным министерством?

«Черт возьми, мне это было противно, а я еще и назначил ему начальника».

Судьба — забавная штука.

Но Гу Чжэнь не собирался отказываться от своего решения и сразу же обратился к Цзян Юньсюаню:

— Ваше величество, у вашего слуги есть дело, о котором он хотел бы доложить.

Цзян Юньсюань едва мог усидеть на месте, ему хотелось броситься в объятия своего отца-канцлера, которого он не видел два месяца, но теперь отец-канцлер тоже начал вести себя как этот старик из Военного министерства. Как скучно! И почему отец-канцлер привел с собой эту собаку?

Но Цзян Юньсюань, как поверхностный император, был очень дисциплинирован:

— Канцлер, прошу, говорите.

— Ваш слуга, сражаясь с войсками в Цюньсян на протяжении нескольких месяцев, глубоко осознал, что генерал Хэ обладает храбростью и мудростью, его сердце предано стране, и он является настоящим талантом. Если предоставить ему высокую должность, он сможет полностью раскрыть свой потенциал и принести великие заслуги для Цзяньюнь. Сейчас, когда донесения с границ поступают часто, нам крайне необходим такой стратег, как генерал Хэ, обладающий авторитетом и навыками. Ваш слуга просит назначить генерала Хэ Сюйляна Великим генералом — опорой государства, передать ему тигриную бирку и управление Военным министерством, и прошу вашего величества одобрить это.

На лице министра Ли в каждой морщине читалось: «Мать мою!»

Цзян Юньсюань моргнул. На самом деле он не понимал, о чем говорил Гу Чжэнь, и не знал, что это за должность — Великий генерал — опора государства. Но тигриная бирка, похоже, была важной вещью, которую всегда держал сам отец-канцлер. Теперь он собирается отдать ее этой собаке? Разве отец-канцлер не ненавидел его больше всего? Но решения отца-канцлера он никогда не мог оспаривать, так что пусть будет так, это все равно не интересно.

Поэтому Цзян Юньсюань кивнул и просто сказал:

— Одобряю.

Как только он произнес эти слова, снаружи раздались голоса евнухов, объявляющих о прибытии. Чиновники, которые должны были встретить Гу Чжэня, наконец-то вернулись, их шапки были сдвинуты, а бусы сняты. Увидев это, министр Ли взмахнул рукавом, надул бороду и громко хмыкнул, повернувшись и пробормотав:

— Какой беспорядок!

После того как все чиновники в неразберихе отдали свои приветствия, Гао Сю узнал, что император уже одобрил назначение Хэ Сюйляна Великим генералом — опорой государства. Хотя он ожидал такого исхода, он все же чувствовал себя неуверенно, но на его лице осталась лишь натянутая улыбка, когда он поклонился Хэ Сюйлян:

— Тогда поздравляю генерала Хэ.

Хэ Сюйлян просто сложил руки:

— Благодарю.

Затем Гао Сю обратился к министру Ли с намеком:

— Теперь вам станет легче, министр Ли. С таким талантливым молодым человеком, как генерал Хэ, вы сможете наслаждаться семейным счастьем. Ваша дочь — драгоценная наложница, а ваш сын — великий генерал в Сянцзинчуань. У вас действительно большое счастье.

Гу Чжэнь мысленно выругался: «Черт, оказывается, этот старик так несчастен».

Кто не знает, что нынешние наложницы императора живут как вдовы, ведь императору всего шесть лет. У него нет интимной жизни, а когда он достигнет возраста, когда сможет вести такую жизнь, они уже будут старыми и увядшими, и их заменят новыми девушками. Эти наложницы проведут всю свою жизнь, увядая в глубинах дворца.

Сянцзинчуань и вовсе не стоит упоминать. Там тоже постоянно идут войны, и хотя климат лучше, чем в Цюньсян, все остальное также ужасно, и без такого персонажа, как главный герой, поражение неизбежно.

У этого старика и дочь, и сын живут плохо. Эх, жалкий человек.

Вспомнив, что он только что назначил ему начальника, Гу Чжэнь почувствовал угрызения совести.

Министр Ли, похоже, тоже не ладил с Гао Сю, он понял намек в его словах, надул бороду:

— Иметь сына и дочь действительно счастливее, чем быть, как вы, господин Гао.

Лицо Гао Сю сразу стало фиолетовым, как морская капуста.

Гу Чжэнь почувствовал, что его радар сплетен загорелся. Что происходит, кажется, есть что послушать.

В этот момент Цзян Юньсюань зевнул, почувствовав, что у этих людей больше нет дел, и прошептал что-то на ухо егнуху. Тонкий голос раздался:

— Если у министров есть дела, доложите, если нет — аудиенция окончена.

Чиновники посмотрели друг на друга, поняв, что больше ничего важного нет, поклонились и покинули Чертог Чэнъань.

Остались только Гу Чжэнь и Хэ Сюйлян.

После аудиенции маленький император больше не мог сдерживаться, спрыгнул с трона и, как маленькая желтая уточка, побежал по залу, сладко крича:

— Отец-канцлер!

Гу Чжэнь, сердце которого растаяло, быстро присел на корточки, раскрыл руки и обнял

маленького толстячка.

— Отец-канцлер, Сюань-эр так скучал по тебе~ — Цзян Юньсюань потерся своим пухлым личиком о шею Гу Чжэня. — А ты скучал по Сюань-эру?

Гу Чжэнь в этот момент ни за что не стал бы противоречить Цзян Юньсюаню, даже если бы тот попросил звезду или луну. Он поднял Цзян Юньсюаня на руки, пощекотал его нежный носик и громко поцеловал его в щеку, улыбаясь:

— Конечно, скучал, чуть не умер от тоски! Давай посмотрим, ты, кажется, поправился!

Цзян Юньсюань надул губки, его круглый подбородок стал еще круглее:

— Если много есть, то будет больше сил быть императором!

Гу Чжэнь рассмеялся, упершись лбом в голову Цзян Юньсюаня:

— Правильно, Сюань-эр должен много есть и расти большим, чтобы стать хорошим императором!

Но Цзян Юньсюань, похоже, не любил эту идею, пробормотав:

— Но ведь есть отец-канцлер, Сюань-эру достаточно только отца-канцлера. И теперь отец-канцлер стал Отцом нации, так что Сюань-эру вообще не нужно ничего делать.

Гу Чжэнь вздохнул в душе, понимая, что это мировоззрение нельзя изменить за один день, поэтому решил не обращать на это внимания, но не понял, что это за должность — Отец нации, и спросил:

— Сюань-эр знает, кто такой Отец нации?

Цзян Юньсюань моргнул. Откуда ему знать? Он честно покачал головой:

— Не знаю, но министр чинов сказал, что это очень большая должность!

Тут Хэ Сюйлян, стоящий рядом, сказал:

— Ваше величество — правитель страны, а вы — отец страны.

Гу Чжэнь подумал об этом и вдруг почувствовал, как ноги подкашиваются. «Черт, это же что-то вроде отца императора?»

Цзян Юньсюань только сейчас заметил высокого мужчину, стоящего рядом, и сразу же разозлился. Все его мировоззрение было сформировано Гу Чжэнем, он любил то, что любил Гу Чжэнь, и ненавидел то, что ненавидел Гу Чжэнь, поэтому он крайне невзлюбил этого Хэ Сюйляна. Его мягкие брови сжались, он обнял шею Гу Чжэня и закричал на Хэ Сюйляна:

— Глупая собака, почему ты еще здесь, бездомный пес, ублюдок, тьфу!

Затем он действительно плюнул на Хэ Сюйляна, но тот не изменился в лице и даже не уклонился.

Гу Чжэнь был шокирован:

— Сюань-эр, что ты делаешь? Как ты можешь так обращаться с твоим подданным!

Но Цзян Юньсюань с невинным выражением лица спросил:

— Отец-канцлер, что с тобой? Ты же больше всех ненавидел этого типа, а теперь ты его защищаешь? Ты разве не любишь Сюань-эра?

Не зря говорят, что лицо ребенка меняется, как погода в июне. Только что он был счастлив, а теперь его губы уже надулись, а большие глаза наполнились слезами, готовыми упасть в любой момент. Это зрелище снова пронзило сердце Гу Чжэня, и он быстро начал успокаивать его:

— Отец-канцлер больше всего любит Сюань-эра, но генерал Хэ тоже твой подданный. Если бы не он, за эти два месяца отец-канцлер бы умер несколько раз, и мы бы не смогли вернуться с победой. Генерал Хэ тоже много трудился, Сюань-эр не должен так его ругать, понял?

Цзян Юньсюань был все еще недоволен, но немного успокоился, услышав, что Гу Чжэнь мог умереть. Он крепко обнял шею Гу Чжэня, ласкаясь:

— Отец-канцлер не может умереть, если ты умрешь, Сюань-эр тоже не сможет жить.

Гу Чжэнь молча вздохнул, глядя мягкие волосы на затылке Цзян Юньсюаня, и тихо сказал:

— Отец-канцлер знает.

Цзян Юньсюань поднял лицо из лисьей шубы на шее Гу Чжэня и посмотрел на Хэ Сюйляна:

— Если ты не защитишь отца-канцлера, я прикажу уничтожить тебя.

В его глазах была сложная эмоция, совершенно не похожая на шестилетнего ребенка. Хэ Сюйлян тоже глубоко посмотрел на него, но все же вежливо поклонился:

— Ваш слуга повинуется.

Гу Чжэнь, держа Цзян Юньсюаня на руках, совсем не заметил этого обмена взглядами между взрослым и ребенком. Он только подумал, что этот подлец явно не воспитывал маленького императора должным образом. Такие слова, как «ублюдок», не должны быть известны такому невинному ребенку. Похоже, ему придется быть не только хорошим министром и генералом, но и полноценным нянькой.

<http://bllate.org/book/16782/1543539>